

Петр Кропоткин и Вера Фигнер

Вада Харуки

2002

Анархист Петр Алексеевич Кропоткин и народоволка Вера Николаевна Фигнер познакомились в Лондоне весной 1908 года. Кропоткину было уже около 70 лет, и он был в то время в апогее своей славы. Его чтили и уважали как главу западноевропейского анархизма, а также как серьезного ученого. Вера Фигнер, проведя в заточении в Шлиссельбургской крепости двадцать лет (1884–1904), выехала за границу в 1906 году. Она выполняла разные задачи партии эсеров в разных странах. Ей было 56 лет¹.

Вера Фигнер писала в своих воспоминаниях об этой первой встрече: "Ко мне П.А. относился с бережной деликатностью: он никогда не расспрашивал меня о Шлиссельбурге — он знал, что мне было бы тяжело делиться еще не остывшими острыми воспоминаниями"².

В сентябре 1908 г. оба они оказались судьями в суде чести по поводу обвинений В.Л.Бурцева против Азефа. Хотя Вера Фигнер была склонна верить членам ЦК, защищавшим Азефа, разногласия между ней и Кропоткиным неизвестны. Вскоре разоблачение Лопухина прекратило этот суд чести.

Вера Фигнер после скандального дела Азефа решила оставить партию. Она стала помогать административно-ссылным в России. Она отправилась в Англию, где жена П.А.Кропоткина Софья Григорьевна уже несколько лет вела агитацию в пользу политических ссыльных. В Англии она неожиданно для себя попала в разгар движения против Николая II. Дело в том, что за месяц перед тем пошли слухи, что царь намерен посетить Англию.

---

¹ Во времена брежневского застоя, в 1978-1979 г., я занимался изучением жизни Веры Фигнер после революции 1917 г. Существенную помощь оказала мне Наталья Михайловна Пирумова, предоставившая материалы о связях Веры Фигнер с П.А.Кропоткиным. В 1984 г. я опубликовал статью "Vera Figner in the Early Postrevolutionary Period, 1917–23" в органе института, где я работал. В перестроечное время появилась возможность ознакомления со всеми документами из личных фондов Фигнер и Кропоткина. Многие из них изучаются и публикуются новым поколением историков (см., например: Незапечатленный труд: из архива В.Н.Фигнер / Публикация Я.В. Леонтьева и К.С.Юрьева // Звенья. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С.424–488). Автору этих строк также удалось уточнить по архивным документам ряд фактов. Публикуемый доклад является исправленным и дополненным вариантом моей статьи 1984 г.

² Фигнер В.Н. После Шлиссельбурга // Полн. собр. соч. М., 1932. Т.3. С.262.

23 июня 1909 года Вера Фигнер выступила с речью на большом митинге. Это ее первое выступление в Англии было переведено на английский язык П.А.Кропоткиным. Кропоткин сам только что составил брошюру "The Terror in Russia". В ней в систематическом порядке рассматривалось положение тюрем, вопрос о смертных казнях и система ссылки в России. Первое издание этой брошюры вышло 12 июля 1909 г. тиражом 35 тыс. экземпляров, а уже 29 июля вышло четвертое издание. Примерно за 20 дней разошлось 140 тыс. экземпляров³.

В следующем году брошюра стала известна даже в Японии. Японский демократический поэт Такубоку Исикава прочитал сначала книгу Кропоткина "Записки революционера", а потом эту брошюру. Он писал своему другу о впечатлении от нее: "Я чувствовал беспомощное сострадание к страдающим больше всех в этом мире. Тревога и гнев постоянно давили мое сердце. Мой друг, я ведь не русский. Повторяю, я не русский. Следовательно, для меня ведь все равно то, как русские живут"⁴.

Примерно в это время в Японии 12 социалистов были повешены по сфабрикованному делу о покушении на императора; империалистическая Япония аннексировала Корею. Исикава находился в совершенно изолированном положении. Читая брошюру Кропоткина, он думал скорее о терроре в своей стране.

Вернемся к Вере Фигнер. После третьего посещения Англии она основала в начале 1910 г. Парижский комитет помощи политическим каторжанам в России. В 1911 году она написала брошюру "Les prisons russes". В деле помощи политическим заключенным в России Кропоткин и Фигнер тесно сотрудничали.

Вера Фигнер вернулась в Россию в феврале 1915 года без разрешения правительства, но благодаря усилиям ее брата, солиста Императорских театров Николая Фигнера, ей удалось избежать репрессий. В Петрограде она встретила Февральскую революцию. После падения самодержавия вернулся в Россию и Кропоткин. Фигнер и Кропоткин встретились в Петрограде лишь один раз; обстоятельства этой встречи остаются неясными.

Летом 1920 года Кропоткин и Вера Фигнер встретились снова. Фигнер вернулась в Москву после годичного мучительного пребывания в Лугано. Выздоровевши духовно, она посетила Кропоткина в Дмитрове 15 июля 1920 года и провела два дня в его семье. Встреча была счастливой. Кропоткин записал в своем дневнике: "Только что проводил Веру Фигнер. Та же прекрасная, достойная поклонения!"⁵

Эта встреча оказалась последней. Все же они часто переписывались. В начале декабря 1920 г. Кропоткин послал Фигнер копию его письма к В.И.Ленину и просил ее отзыва. Это письмо явилось реакцией на правительственное сообщение, которое было помещено в газетах 30 ноября. В этом сообщении правительство утверждало, что вожди контрреволюции, прежде чем отказаться от мысли вернуть себе господство над рабоче-крестьянской Россией, пытаются пустить в ход последнее средство — индивидуальный террор. "Советское правительство объявляет эсеров группы Савинкова, как и группы Чернова, белогвардейцев национального и тактического центра и офицеров-врангелевцев заложниками. В случае покушения на вождей Советской Рос-

³ Там же. С.318-320, 324-326.

⁴ Такубоку Исикава. Полное собрание сочинений. Токио: Иванами-шотен, 1954. Т.10. С.164-165 (на яп. яз.).

⁵ Цит. по: Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М.: Наука, 1972. С.206.

сии ответственные единомышленники организаторов покушения будут беспощадно истребляться"⁶.

Еще в 1918 г., когда был объявлен "красный террор" и был расстрелян ряд заложников, Кропоткин написал письмо В.И.Ленину, в котором он вспоминал исторический пример Французской революции. Тогда он попытался убедить Ленина, указывая, что в 1794 г. "Террористы Комитета Общественной Безопасности оказались могильщиками народной революции"⁷.

На этот раз Кропоткин еще более прямолинейно критиковал политику правительства большевиков. "Неужели не нашлось среди вас никого, чтобы напомнить, что такие меры — представляющие возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн — недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах. Даже короли и папы отказались от такого варварского способа самозащиты, как заложничество. Как же вы, проповедники новой жизни и строители новой общественности, можете прибегать к такому оружию для защиты от врагов? Не является ли это признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и вы спасаете уже не дорогое вам дело строительства новой жизни, а лишь самих себя.

Я верю, что для лучших из вас будущее коммунизма дороже собственной жизни. Один помысел об этом будущем должен заставить вас отвергнуть такие меры"⁸.

Вера Фигнер ответила Кропоткину 20-го декабря: "Твое письмо о заложниках я прочла и удивилась, что ты предлагал сделать замечания: ибо письмо превосходно.

Сначала, когда я прочла его только глазами, оно не произвело сильного впечатления, но вчера я прочла его вслух, с толком, и оно показалось мне прекрасным. Таково же было впечатление Муравьевых — мужа и жены, Кусковой и Прокоповича, и мы единодушно говорим тебе — нужно его послать.

Жаль, что недели три прошло уже со времени этого распоряжения. И когда, собравшись на совет, мы обсуждали, какое мы могли бы сделать выступление, то было постановлено теперь уже не выступать, так как время упущено. Но впредь вменяется в обязанность президиуму реагировать тотчас же. Что касается твоего письма — мы все думали, что оно так хорошо, что необходимо пустить его в дело, тем более, что оно исходит от тебя"⁹.

Из этого письма следует, что Вера Фигнер принимала участие в какой-то организации комитета правозащиты вместе с адвокатом Муравьевым и либеральными социалистами Кусковой и Прокоповичем. Быть может, они составили инициативную группу Политического Красного Креста.

Кропоткин отвечал Вере Фигнер 21-го декабря: "По поводу заложников пишу письмо Ленину. Но теперь не знаю даже, как передать, чтобы прочли. И сдается мне, что силою обстоятельств — неизбежных обстоятельств — противоположные влияния гораздо сильнее всего, что может оказать человеколюбие и благоразумие отдельных людей".

---

⁶ Правда. 1920. 30 нояб. С.71.

⁷ Цит. по: *Пирумова Н.М.* Письма и встречи // Родина. 1989. № 1. С.27.

⁸ П.А.Кропоткин о заложниках (Письмо Ленину) // На чужой стороне. Берлин, 1923. Т.3. С. 126-127.

⁹ РГАЛИ, ф.1185, оп. 4, ед.хр.5, л.3-4.>

Кропоткин уже не питал никаких иллюзий насчет возможности убедить коммунистов. Он вообще скептически относился к перспективе независимых общественных организаций. "Насчет Красного Креста, конечно, надо попытаться... Конечно, можно сказать, [...] что в Англии существуют общеизвестные Комитеты для заботы об арестованных и приговоренных... Но на это, вероятно, ответят, что это нужно в буржуазных государствах, а не в коммунистическом"¹⁰.

Все же Кропоткин послал В.И.Ленину письмо о заложниках, а восьмому Всероссийскому съезду Советов направил открытое письмо по поводу права свободного издания. Эти документы явились его политическим завещанием соотечественникам.

8 февраля 1921 года Кропоткин умер. Гроб с его телом был установлен в Колонном зале Дома союзов. Правительство выпустило на похороны анархистов из тюрьмы и разрешило издать однодневную газету "Памяти Петра Алексеевича Кропоткина". Вера Фигнер была единственной не-анархисткой — сотрудницей этой газеты. В ней она писала: "Когда хоронят друга и дорогого человека, хочется молчать и только думать и горевать об утрате. Трудно собрать мысли и облечь их в соответствующую форму. Не укладываются они в нее.

Мне кажется, то, что влекло сердца к Петру Алексеевичу, это — счастливая своей глубиной, его великая вера в многомиллионные массы, в жизнь выработанное в них чувство справедливости, в способность их устраиваться, организовываться и работать на началах солидарности и братства[...]

Петр Алексеевич ясен и прозрачен как в книге, так и в речи: и там, и здесь он один и тот же, светлый и лучезарный вестник лучшего будущего человечества. В нем гармония писателя и человека — полная. И это производит чарующее впечатление"¹¹.

13 февраля состоялись похороны. Вера Фигнер приняла участие в траурной процессии вместе с друзьями. Через два дня она писала к своему другу Юрию Гессену в Петроград: "Вчера после мучительных похорон 13-го пролежала целый день, так была изломана морально и физически"¹².

После похорон анархисты решили создать музей Кропоткина. Вокруг этой затеи началась борьба. В конце концов благодаря хлопотам вдовы Кропоткина Софьи Григорьевны был создан Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П.А.Кропоткина, членами которого стали С.Г.Кропоткина, Вера Фигнер, инженер П.А.Пальчинский, адвокат Н.К.Муравьев и анархисты Н.К.Лебедев, А.А.Карелин, А.М.Атабекян и др.

1921 год — это год голода. Чтобы помочь голодающим, старые интеллигенты попытались создать другой общественный комитет. Советское правительство согласилось на создание полугосударственного Всероссийского Комитета помощи голодающим, председателем которого был назначен Л.Б.Каменев. Среди его членов была и Вера Фигнер. Почетным председателем его был избран В.Г.Короленко, автор книги "В голодный год". Вера Фигнер сотрудничала в бюллетене этого комитета.

¹⁰ ГАРФ, ф.1129, оп. 2, ед.хр.173.

¹¹ Фигнер В.Н. Петру Алексеевичу Кропоткину // Анархические организации памяти Петра Алексеевича Кропоткина. 1921. 13 фев. Некролог, написанный Верой Фигнер, как и все материалы этой однодневной газеты, полностью перепечатан в кн.: Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А.Кропоткина. Чикаго, 1931. С.294-295.

¹² РГАЛИ, ф.1185, оп. 1, ед.хр.220, л.33.

Но Ленин, считая, что члены этого комитета хотят использовать его для своих, антисоветских целей, 26 августа 1921 г. писал И.В.Сталину, что необходимо закрыть этот комитет и арестовать его членов¹³. На другой день комитет был ликвидирован. Вера Фигнер была препровождена домой с заседания комитета, а оставшиеся члены были арестованы. Такому прямому унижению подвергнулась она во второй раз¹⁴. В день закрытия комитета помощи голодающим в Полтаве умер Короленко.

Между тем в сентябре Общественный комитет по увековечению памяти П.А.Кропоткина начал свою работу. 18 сентября на первом заседании комитета председательницей его была избрана Вера Фигнер. Решено было создать музей на общественных началах¹⁵.

В первую годовщину смерти Кропоткина, 8 февраля 1922 года, Комитет издал однодневную газету, в которой Фигнер писала о Кропоткине: "Стыдно перед другими, больно за себя, что я не сумела взять от него всего того, что он мог дать"¹⁶.

Комитет устроил вечер в память Кропоткина, на котором Вера Фигнер выступила с речью "Кропоткин и Короленко". В речи она отмечала, что кончина "этих двух светочей идеи гуманности и справедливости" является великой потерей.

В наше время, когда, с одной стороны, мы несем все последствия мировой войны, причувившей к убийству, к грабежу и всевозможному насилию, а с другой — все последствия братоубийственного междуусобия, с его кровавыми восстаниями, казнями и всевозможными репрессиями, — особенно чувствительна потеря таких людей, как Кропоткин и Короленко. [...] Голоса Кропоткина и Короленко о необходимости морального обновления мы не услышали. Но когда мы чествуем их память, собираемся и выслушиваем речи, восхваляющие их личность, жизнь и деятельность, то думаем ли мы, помним ли мы, что вместо похвал — наилучшим чествованием этих двух светочей России должна являться пропаганда их гуманитарных идей правды, справедливости, общественной инициативы и самодеятельности как отдельной личности, так и масс¹⁷.

Эти слова Веры Фигнер предвосхитили серию событий 1922 года. В феврале было обнародовано заявление ГПУ о том, что вскоре начнется процесс над членами ЦК Партии эсеров. Суд начался 8 июня. Кажется, именно Вера Фигнер вместе с Екатериной Пешковой основали Политический Красный Крест около суда над эсерами.

Таким образом, вопреки пессимистическим высказываниям Кропоткина, Вере Фигнер удалось организовать две независимых общественных организации в России. Оставаясь верной принципам Кропоткина, она не переставала отстаивать справедливость перед советским правительством.

В конце 1925 года Вера Фигнер вместе со старыми революционерами-народниками послала заявление в Президиум ЦИК СССР.

---

¹³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений М., 1965. Т.53. С.140-142.

¹⁴ Максимов Ю.Н. Комитет помощи голодающим // Память. Москва, 1979; Париж, 1981. Вып.4. С. 391-393.

¹⁵ К истории образования Всероссийского Общественного Комитета памяти П.А.Кропоткина // Памяти Петра Алексеевича Кропоткина. Пг.; М., 1921. С.12.

¹⁶ Фигнер В.Н. П.А.Кропоткину // Полн. собр. соч. М., 1932. Т.5. С.457.

¹⁷ Фигнер В.Н. П.А.Кропоткин и В.Г.Короленко // Там же. С.460-461.

Вот в эти торжественные дни столетия восстания декабристов, совпадающего с двадцатилетием революции 1905 года, мы обращаемся к ЦИК СССР с нашим словом, посвященным тому, что волнует и тревожит ежедневно и не дает покоя.

Тысячи русских граждан заполняют тюрьмы и самые отдаленные и глухие, лишенные малейших признаков культурной жизни углы нашей страны, ссылка в которые по политическим мотивам при старом порядке самым решительным образом осуждалась общественным мнением демократически настроенных передовых кругов всех государств мира. Сотни, тысячи других находятся за рубежом своей родины.

Поэтому мы думаем, что всеобщая политическая амнистия — мера самая лучшая, самая существенная, наиболее отвечающая духу свободы, который одушевлял как первых организаторов восстания против самодержавия в 1825 г., так и поднявших знамя восстания в 1905 году".

Второй проблемой является "расстрел и прежде всего расстрел без гласного суда и даже вообще без суда".

Такой порядок не может и не должен продолжаться. Это не нужно Советской власти. Это не нужно и мешает ее росту. Это деморализует сознание граждан. Это отравляет и портит жизнь наиболее чутких и честных из них¹⁸.

Вера Фигнер и ее товарищи требовали от советского правительства амнистию и отмену административных расстрелов. Но правительство не стало отвечать им.

Вера Фигнер с товарищами подали еще одно заявление, приуроченное к десятилетию Октябрьской революции. Фамилии подписавших это письмо известны. Первой стоит подпись Веры Фигнер, далее идут подписи ее сестры Евгении Фигнер, А.Гедеоновского, М.Шебалина, Л.Дейча, М.Фроленко, А.Якимовой-Диковской и др. В новом заявлении повторены два требования: "Итак, мы, которые долго боролись за революцию, перенесли многие, многие тюрьмы и каторги, подчас были лицом к лицу с самою смертью, мы, во имя той же Революции и ее окончательного торжества, просим: отменить расстрел и по крайней мере его вне-судебное применение. Просим широкого помилования всех политических заключенных, просим смягчения режима ссылки, просим уничтожения административных репрессий с тем, чтобы только суд назначал меры социальной защиты"¹⁹. И в этот раз советское правительство не ответило на заявление.

С течением времени продолжать дело Кропоткина становилось все труднее. Веру Фигнер мучила ее роль. В конце 1928 года она заявила, что не может по состоянию здоровья нести обязанности председательницы Кропоткинского комитета дольше 30-го марта 1929 года. Хотя исполнительное бюро Комитета официально согласилось на это, отставка не состоялась, так как члены бюро всерьез настаивали на продолжении ее председательства²⁰.

Во времена сталинской "революции сверху" процесс унификации давил на каждую независимую личность и организацию. Вера Фигнер и Кропоткинский музей являлись последними могиканами независимой общественности.

---

¹⁸ РГАЛИ, ф.1185, оп. 3, ед.хр.1, л.3. В тексте этого заявления подписи нет. О том, что Вера Фигнер была инициатором этого обращения, можно судить по ответу заведующего секретариатом Президиума ЦИК СССР к ней от 7 мая 1926 г. (там же, л.1).

¹⁹ Там же, л.60б.

²⁰ Там же, оп.1, ед. хр.97а, л.1-2.

Вера Фигнер долго отказывалась от членства в Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, потому что это общество, втянутое в политику, иногда высказывалось положительно по поводу применения смертной казни. Наконец, 7 июля 1932 года Емельян Ярославский от имени Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев направил приветствие Вере Фигнер по поводу ее восьмидесятилетия и одновременно послал ей членский билет Общества, выписанный без ее согласия. Вера Фигнер сопротивлялась, но после второго письма Е.Ярославского, в котором ее позиция была названа "политикой разоружения перед врагами революции", вынуждена была принять членство в Обществе²¹.

В январе 1934 года Вера Фигнер окончательно выразила свое желание расстаться с Кропоткинским Комитетом. Комитет согласился на это, избрав ее своей почетной председательницей²².

В 1935 году Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев было распущено. Кропоткинский комитет и музей продолжали существовать еще несколько лет. Но представитель музея выразил желание передать музей государству. Вера Фигнер получила последнее послание от Кропоткинского комитета 25 февраля 1938 года²³. В этом году музей был огосударствен. Политический Красный Крест перестал существовать на год раньше, в 1937 г.

Софья Григорьевна Кропоткина скончалась 17 декабря 1941 года. Вера Фигнер прожила еще полгода — она умерла 15 июня 1942 года.

---

²¹ Там же, ед.хр.4; ед.хр.85, л.2-2об. См. также: *Коржихина Т.* За пять лет до 1937-го // Моск. новости. 1988. № 45, 6 нояб. С.9.

²² РГАЛИ, ф.1185, оп. 1, ед.хр.97ф, л.2, 55.

²³ Там же, ед.хр.12, л.107.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Вада Харуки
Петр Кропоткин и Вера Фигнер
2002

Сохранено 17 августа 2018 из <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/4-09Wada.htm>
Петр Кропоткин и Вера Фигнер // Труды Международной научной конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. — М., 2002. — Вып. 4. — С.
108–120. Освещены история знакомства и роль В.Н. Фигнер в руководстве музея П.А.
Кропоткина в Москве.

ru.theanarchistlibrary.org